18+

Алёна Миронская
Смывая пепел

https://litres.ru/74661964
SelfPub; 2026

Аннотация

Два года Эва жила как призрак, спасаясь от панических атак и фантомного запаха гари после катастрофы, унесшей чужую жизнь. Приморский городок в межсезонье должен был стать ее ледяным склепом, пока на обрыве у пирса она не встретила Дамиана — немногословного мастера с тяжелым взглядом и въевшейся в пальцы металлической пылью.

Их близость похожа на обоюдное наказание: грубая, яростная, выбивающая воздух из легких. Эва видит в его руках избавление от оцепенения и не подозревает, что их встреча была рассчитана до секунды. Дамиан пришел за возмездием за свою погибшую сестру. Его план безупречен: влюбить и запереть в зеркальной ловушке. Но когда месть срывается в настоящую одержимость, оба героя оказываются перед выбором — сгореть в пепле прошлого или найти прощение через абсолютное обнажение души

Содержание

Смывая пепел 4
Глава 1. Пепел и соль 4
Глава 2. Первая трещина 10
Глава 3. Опасное привыкание 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Алёна Миронская
Смывая пепел

Смывая пепел

Глава 1. Пепел и соль

Город пах гниющими водорослями, мокрым гравием и чужой, законсервированной до весны жизнью. В ноябре побережье умирало: закрывались сувенирные лавки, витрины рыбных таверн заколачивали фанерой, а ветер с северного моря дул с такой яростью, будто пытался содрать краску с фасадов старых отелей.

Для Эвы это место было идеальным. Мертвый сезон для мертвой души.

Она сняла комнату на втором этаже в пансионе «Альбатрос» — скрипучем деревянном доме с окнами на серую, вздыбленную полосу прибоя. Здесь не было зеркал во весь рост, только маленькое, треснувшее по диагонали стекло над раковиной. Эва избегала смотреть в него. Ей казалось, что за последние два года её лицо выцвело, истончилось, слов-

но фотография, слишком долго пролежавшая под палящим солнцем.

Солнца она тоже боялась. Как и любого тепла. Даже пар от чашки чая иногда вызывал у неё спазм в горле — желудок сводило судорогой, а в носу вставал один и тот же фантомный запах: горелый пластик, тлеющая обивка кресел и сладковатая гарь человеческих волос.

Сумерки опускались на побережье быстро, размазывая горизонт в свинцовую кашу. Эва застегнула ворот шерстяного пальто под самый подбородок, спрятала ледяные пальцы в карманы и спустилась по узкой каменной лестнице к пирсу.

Единственным работающим местом в радиусе пяти миль был крошечный бар у старого причала. Деревянная лачуга, выкрашенная в черный цвет, едва выдерживала порывы шторма. Внутри пахло дешевым ромом, трубочным табаком и керосином.

Она села в самом темном углу, заказав виски со льдом. Пить она не хотела — ей просто нужно было сжимать в ладони тяжелый стеклянный стакан, чувствовать, как острый холод режет кожу. Боль от холода была единственным, что доказывало: её тело еще существует.

Тогда она почувствовала чужой взгляд. Тяжелый, почти физически осязаемый, словно кто-то провел по её затылку шершавой ладонью.

Мужчина сидел у барной стойки вполоборота. На вид ему было чуть за тридцать — широкие плечи, грубая куртка из потертой кожи, темные взъерошенные волосы, в которых блестели капли мороси. Но поразило её не это, а его руки. Крупные, сильные пальцы с въевшейся металлической или угольной пылью вокруг ногтей и тонким бледным шрамом поперек костяшек правой кисти. Руки человека, привыкшего подчинять себе неподатливую материю: резать, гнуть, ломать.

Он не отводил глаз. Ни капли неловкости, никакого извиняющегося притворства, которое обычно бывает у мужчин, пойманных за разглядыванием чужих женщин. Дамиан смотрел на неё в упор. В его темных глазах не было банальной похоти — там читалось нечто голодное, расчетливое и пугающе неподвижное, как в глазах хищника перед рывком.

Эва попыталась отвернуться, но дыхание сбилось. Воздух в прокуренном баре внезапно стал слишком густым.

Когда скрипнула входная дверь и порыв морозного сквозняка прошелся по полу, она поднялась, оставив деньги на

стойке, и вышла в ночь.

Ветер на пирсе ударил в грудь, выбивая слезы. Шторм крепчал. Волны с грохотом разбивались о сваи внизу, осыпая доски соленой пылью. Эва дошла до самого края, ухватившись за ржавые перила, и запрокинула голову, подставляя лицо ледяным брызгам. Сердце колотилось в горле — глухо, панически.

— Если стоять так близко к краю, море заберет тебя раньше, чем ты успеешь решить, хотела ты этого или нет.

Голос прозвучал прямо из-за её спины — низкий, сухой, с хриплыми бархатными нотами.

Эва резко обернулась. Дамиан стоял в паре шагов. Ветер трепал полы его куртки, но он не щурился от ледяного воздуха. Он смотрел прямо на неё, и в полутьме его силуэт казался непроницаемой скалой.

— Я не собиралась прыгать, — с вызовом ответила она, хотя голос предательски дрогнул.

— Знаю, — он сделал шаг вперед. Медленный, неотвратимый. Расстояние между ними сократилось до полуметра. От него пахло дождем, табаком и едва уловимой металличе-

ской стружкой. — Те, кто собирается прыгать, не кутаются в шарфы и не прячут подбородок от ветра. Ты боишься замерзнуть. Но при этом стоишь здесь и дрожишь.

— Вам какое дело?

Вместо ответа Дамиан медленно поднял руку. Эва замерла, парализованная внезапной вспышкой страха — тело приказало бежать, но ноги словно вросли в мокрые доски.

Его пальцы — грубые, мозолистые, обжигающе ледяные — коснулись её шеи у самой челюсти, убирая намокшую прядь волос. Это не было мягким прикосновением любовника. Его ладонь легла на пульсирующую жилку властно, почти как захват, чуть сдавив горло.

Эва судорожно, со всхлипом втянула воздух. Удар тока прошил позвоночник до самого низа живота. Впервые за два года бесконечной тупой комы внутри вспыхнуло что-то живое, первобытное и острое.

Дамиан наклонился ближе. Его темные глаза жадно зафиксировали эту панику и дрожь её ресниц. Уголок его губ дрогнул в едва заметной, безжалостной усмешке.

— У тебя бешеный пульс, — тихо произнес он, глядя пря-

мо ей в губы. — Значит, ты всё-таки способна что-то чувствовать.

Он отпустил её так же внезапно, как и коснулся, сделав шаг назад в темноту пирса. Холодное место на шее, где только что лежали его пальцы, продолжало гореть огнем.

Глава 2. Первая трещина

Всю ночь в старые рамы пансиона бился сырой ноябрьский ветер. Стекла дребезжали, пропуская в комнату сквозняк, пахнущий солью и гнилым деревом. Эва почти не спала. Каждый раз, когда она проваливалась в липкую дремоту, на коже у основания шеи вспыхивало фантомное пятно жара — там, где Дамиан прижал свои пальцы.

Он держал её всего пару секунд, но этот след не остывал. Словно на шею капнули расплавленным сургучом, запечатывая приговор.

К полудню ветер сорвал внешнюю деревянную створку на ее окне. Доска повисла на одной петле, глухо и ритмично колотясь о стену дома, как метроном. Хозяйка «Альбатроса», сухопарая старуха с желтыми от табака зубами, лишь махнула рукой, когда Эва спустилась вниз:

— Позвонила в доки. Дамиан придет и сделает. Больше здесь молотком махать некому.

Он пришел через двадцать минут. Без стука толкнул приоткрытую дверь, заполняя собой тесное пространство комнаты.

На нем был грубый брезентовый комбинезон, расстегнутый на груди, из-под которого виднелась выцветшая серая футболка, обтягивающая тяжелые плечи. В руке — ящик с инструментом. Он даже не посмотрел на Эву сразу. Шагнул к окну, обдал комнату резким духом дождя, машинного масла и смолы, навалился предплечьем на подоконник и дернул сорванную створку.

— Рассохлось к чертям, — бросил он глухо. — Здесь нужен новый анкер и штифт. Придется вытачивать.

Эва стояла у противоположной стены, скрестив руки на груди. Ей хотелось казаться невозмутимой, но воздух в комнате стремительно кончался.

— Хозяйка сказала, вы можете это починить, — её голос прозвучал сухо, натянуто.

Тогда Дамиан наконец повернулся. Его взгляд скользнул по ее босым ногам, тонким щиколоткам, поднялся к ключицам, скрытым под растянутым свитером, и задержался на губах. В этой неторопливой оценке было столько неприкрытого, давящего превосходства, что у Эвы перехватило дыхание. В его глазах клубилась тьма — расчетливая, выжидающая, пугающая до дрожи в коленях.

— Могу, — он шагнул к ней. Один длинный шаг. Второй. — Но не здесь. В моем ангаре. Если хочешь, чтобы ночью тебя не выдуло вместе с кроватью в океан, пойдешь со мной. Заберешь готовую раму.

— Разве вы не можете принести её сюда?

— Могу, — Дамиан остановился в полушаге от нее. Он был значительно выше, шире, его тень полностью накрыла её. — Но не хочу ходить дважды. Ты ведь все равно ничем не занята, Эва. Кроме того, что тихо сходишь с ума в четырех стенах.

Она вскинула голову, сжав зубы:
— Откуда вы знаете мое имя?

— Этот городок слишком мал, чтобы хранить секреты, — уголок его рта искривился в жесткой усмешке. — Собирайся.

Мастерская Дамиана располагалась в самом конце заброшенных верфей — огромный ангар из рифленого железа и почерневшего камня. Внутри царил холодный сумрак, разбавленный желтыми конусами промышленных ламп. Вдоль стен громоздились штабеля дубового бруса, верстаки, заваленные деталями судовых дизелей, тиски и тяжелые це-

пи, свисавшие с балок под потолком. Пахло спилом дерева, ржавчиной и металлической окалиной.

Дамиан захлопнул тяжелую дверь, отрезая вой ветра. Металлический засов с лязгом встал на место.

Эва вздрогнула от этого звука. Внутри что-то болезненно сжалось — эхо давнего, застрявшего в подкорке кошмара о запертых дверях. Она обняла себя за плечи, пытаясь унять предательскую дрожь.

— Замерзла? — он бросил ящик на верстак. Металл ударился о металл с оглушительным звоном.

— Здесь... неуютно.

— Это рабочее место, а не гостиная, — Дамиан стащил рабочие перчатки и швырнул их в сторону. Медленно, не спуская с нее глаз, он сократил разделявшее их расстояние. — Ты боишься звука закрытой двери?

— Нет, — соврала она, чувствуя, как пульс снова начинает колотить по вискам.

— Лжешь.

Он не стал ждать ее оправданий. Дамиан шагнул вплотную, схватил ее за талию и единым, властным рывком приподнял, усаживая на край массивного деревянного верстака. Эва ахнула от неожиданности, ее ладони инстинктивно уперлись в его грудь — сквозь тонкий трикотаж футболки она ощутила гранитную твердость мышц и глухой, ровный ритм его сердца.

— Что вы делаете? — выдохнула она, но попытки оттолкнуть не сделала. Тело предало ее первым: по бедрам прокатилась жаркая, пульсирующая волна.

— Проверяю, насколько ты настоящая, — его голос стал хриплым, низким, вибрирующим у самого ее уха.

Его рука скользнула под свитер. Пальцы — шершавые, с жесткими мозолями, пахнущие металлом — обожгли голую кожу на ребрах. Эва судорожно выгнулась, из ее горла вырвался рваный стон. Два года ее никто не касался. Два года она хоронила себя заживо, превратив свое тело в ледяной склеп. Но эта грубая, властная хватка ломала лед с оглушительным треском.

Дамиан не церемонился. В его движениях не было ни грамма нежности или заискивания — это была чистая, необузданная сила, в которой сквозило что-то пугающе лич-

ное, почти карающее. Он задрал свитер выше, обнажая ее грудь холодному воздуху мастерской, и впился в ее губы поцелуем.

Это было больно. Он прикусил ее нижнюю губу до соленого привкуса крови, заставляя раскрыться, впуская его внутрь. Эва зажмурилась, вцепившись пальцами в его плечи. Она ненавидела себя за то, как отчаянно ее тело откликалось на эту ярость. Вкус железа, чужое тяжелое дыхание, холод верстака под бедрами — всё смешалось в сокрушительный вихрь, выбивающий из нее остатки разума.

Дамиан оторвался от ее губ, тяжело дыша. В его зрачках, расширенных до предела, плескалась неприкрытая, злая одержимость. Он смотрел на ее припухшие, окровавленные губы, на бледную шею, запрокинутую назад, словно видел перед собой жертву, которую ждал слишком долго.

— Ты дрожишь, Эва, — прошептал он ей в ключицу, резко сминая пальцами ее бедро через ткань брюк. — Скажи мне остановиться. Прямо сейчас.

Она хотела сказать. Должна была сказать. Рассудок вопил, что этот человек опасен, что в нем нет любви, что за его взглядом стоит бездна, готовая сожрать ее без остатка.

Но вместо этого ее пальцы запутались в его темных жестких волосах, притягивая его ближе к себе.

— Нет, — хрипло выдохнула она, глядя ему прямо в глаза. — Не останавливайся.

Его челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки. Дамиан дернул пряжку ее ремня. Ткань затрещала, пуговица с глухим стуком отлетела на дощатый пол.

Он раздвинул ее колени широко, вставая между ними, и вошел в нее резко, глубоко, без подготовки, выбивая из ее легких весь воздух.

Эва вскрикнула, запрокинув голову. Боль и острое, ослепляющее наслаждение разорвали ее пополам. Он заполнил ее целиком, жестко прижимая ее крестец к холодной поверхности верстака. Каждый его толчок был мощным, размеренным, беспощадным. Верстак со скрипом ходил ходуном, цепи под потолком звенели от вибрации.

Дамиан смотрел на ее лицо неотрывно. Он наблюдал за каждой судорогой на ее челюсти, за тем, как слезы проступали в уголках ее зажмуренных глаз, как ее ногти впивались в его предплечья, оставляя красные полумесяцы. Для него это не было простым соитием. Каждое движение было ударом,

взятием реванша, клеймом, которое он выжигал на ее теле. Он брал ее так, словно хотел вывернуть наизнанку, добраться до самых темных глубин ее нутра и выжечь там все дотла.

А Эва... Эва впервые за бесконечные месяцы чувствовала себя живой. Эта боль очищала. Эта грубость казалась ей заслуженным наказанием, которого она бессознательно искала с той самой ночи, когда ее мир сгорел в прах. Она подавалась навстречу каждому его толчку, всхлипывая, сгорая в этой дикой, безжалостной страсти.

Развязка накрыла их одновременно — яростная, темная, судорожная. Эва забилась в его руках, крича в его плечо, пока Дамиан с глухим, звериным рычанием изливался в нее, до боли сжимая ее бедра своими тяжелыми ладонями.

Тишина, опустившаяся на мастерскую после, была оглушительной.

Слышно было только их тяжелое, рваное дыхание и шум дождя, хлеставшего по железной крыше. Дамиан медленно отстранился. На его лице не осталось и следа экстаза — лишь непроницаемая, ледяная маска.

Он молча поправил одежду, повернулся к ней спиной и подошел к умывальнику в углу. Зашумела вода. Он смывал

с рук следы их близости с методичной, механической тщательностью.

Эва сидела на верстаке, дрожа от отступающего адреналина и накатывающего холода. Она пыталась натянуть свитер, пальцы не слушались. Ей казалось, что после такого между людьми должна возникнуть хоть какая-то связь, хоть слово.

Дамиан вытер руки серым вафельным полотенцем и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Штифт будет готов завтра к вечеру. Сама найдешь дорогу обратно.

Он не выгонял ее прямо, но этот тон был холоднее океанской воды за стенами ангара. Он получил то, что хотел забрать сегодня. И в этой победе не было пощады.

Глава 3. Опасное привыкание

Днем старая насосная станция на мысе казалась скелетом допотопного чудовища, выброшенного штормом на базальтовые скалы. Бетонные стены давно покрылись лишайником и глубокими трещинами, сквозь которые со свистом тянуло ноябрьский норд-ост. Внутри пахло сырым камнем, солью и вековой ржавчиной.

Дамиан методично проверял петли на тяжелой герметичной двери, когда-то отсекавшей машинный зал от притопленных резервуаров. Каждое движение выверено до миллиметра: шприц с густой смазкой, разводной ключ, новая закаленная цепь в палец толщиной. Он навалился всем весом, проверяя засов. Металл вошел в паз с глухим, окончательным щелчком.

Звукоизоляция здесь была абсолютной — рев прибоя снаружи превращался в невнятную вибрацию где-то под подошвами сапог.

На верстаке в углу лежали три армейские шашки нейтрального дыма и радиоуправляемый детонатор. Никакого открытого пламени: он не собирался сжигать её плоть. Он собирался забрать воздух, пространство и рассудок.

Дамиан оперся ладонями о холодный стальной лист двери и закрыл глаза. На кончиках его пальцев, грубых и привыкших к мертвому железу, всё еще фантомно пульсировало воспоминание: как податливо выгибалась спина Эвы, как судорожно сжимались её пальцы на его плечах, как она отдавала себя на верстаке — почти с мольбой, без сопротивления.

Его челюсти сжались до боли. *Она притворяется*, — приказал он себе. — *Она просто нашла способ спастись от своей тишины. Не вздумай жалеть ее*.

Но сломанный взгляд Эвы стоял перед глазами, как бельмо.

Вечером он пришел в «Альбатрос» уже в сумерках. Без стука, без звонка — просто повернул ручку и вошел.

Эва сидела на подоконнике, подтянув колени к груди. В полумраке комнаты её силуэт казался почти прозрачным. Когда Дамиан шагнул через порог, она даже не вздрогнула — лишь медленно перевела на него взгляд темных, воспаленных от бессонницы глаз. В этом взгляде не было страха перед вчерашней грубостью. В нем было болезненное, гипнотическое ожидание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.